

Научная статья
УДК 165
doi: 10.17223/15617793/512/8

Трансиндивидуация в цифровую эпоху: Бернар Стиглер об изменениях третьей памяти

Семен Андреевич Московец¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, moskovets.tsu@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются философские идеи Бернара Стиглера о технологичности памяти и знаний, а также их трансформация в условиях современных цифровых технологий. Исследуются угрозы и возможности цифровизации для трансиндивидуации, включая пролетаризацию знания и необходимость терапевтического подхода к использованию искусственного интеллекта. Рассматриваются перспективы для дальнейших исследований в области влияния искусственного интеллекта на человеческую память и культуру.

Ключевые слова: третья память, третичные ретенции, Бернар Стиглер, трансиндивидуация, пролетаризация, цифровые технологии

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Для цитирования: Московец С.А. Трансиндивидуация в цифровую эпоху: Бернар Стиглер об изменениях третьей памяти // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 70–75. doi: 10.17223/15617793/512/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/8

Transindividuation in the digital age: Bernard Stiegler on the changing third memory

Semyon A. Moskovets¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, moskovets.tsu@yandex.ru*

Abstract. The article explores Bernard Stiegler's philosophical ideas on the relationship between man and technology, focusing on changes in third memory in the context of modern digital technologies and artificial intelligence. The author analyzes Stiegler's concepts such as epiphylogenesis, tertiary retention, and transindividuation, and applies them to contemporary digital technologies. The study begins with an overview of futurological concepts of post-industrial society and a critique of the current state of knowledge. Stiegler argues that technology is integral to human cognition and evolution, which is supported by the concept of epiphylogenesis. External technical objects, such as writing and digital technologies, play a key role in the formation and preservation of knowledge and memories. Stiegler distinguishes three types of memory: genetic, epigenetic and epiphylogenetic, where the third memory is related to technical objects and their role in human cognition. The process of transindividuation, according to Stiegler, is the mutual constitution of the technical environment and society that shapes human culture and technology. The author of this article analyzes how tertiary retentions, while participating in the process of transindividuation, constantly modify the play between primary and secondary retentions and protentions, which gives rise to new patterns of transindividuation. Stiegler also draws attention to the threats of the digital age, such as the proletarianization of knowledge and automation, which can lead to the disintegration of traditional forms of transindividuation and systemic stupidity. Stiegler concludes by calling for a therapeutic approach in the use of digital technologies to avoid their poisonous effects and deploy new pathways of transindividuation. The article emphasizes the importance of critically reflecting on the impact of digital technologies on human cognition and culture, suggesting a politics of memory that will enable individuals to preserve their aesthetic and productive capacities in the face of the pervasive interference of automated digital technologies.

Keywords: tertiary memory, tertiary retentions, Bernard Stiegler, transindividuation, proletarianization, digital technologies

Financial support: The study was carried out within the framework of the Strategic Academic Leadership Programme "Priority 2030".

For citation: Moskovets, S.A. (2025) Transindividuation in the digital age: Bernard Stiegler on the changing third memory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 70–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/8

Введение

С момента создания футурологических концепций о постиндустриальном обществе, например, концепции Д. Белла, минуло уже более 50 лет [1]. Одним из ключевых положений, характерных для подобных концепций, является превознесение знания как основной ресурсной единицы и ценности, что также сопровождается увеличением количества его носителей. Оправдались ли эти надежды? Сложно сказать наверняка. С одной стороны, очевидно, что мы живем в эпоху небывалой доступности знания и действительного увеличения количества его носителей. В постиндустриальных обществах, скорее, сложно найти безграмотных и не имеющих хоть какого-то образования. А что же с другой стороны? Пожалуй, что критические замечания в духе научного социального теоретизирования стоит оставить подобного рода мыслителям. Есть поводы для сомнения с точки зрения философской теории. Так, в предваряющем интервью с французским философом Бернаром Стиглером тексте интервьюера Питера Лемменса указывается на совершенно обратный процесс – пролетаризацию знания, подразумевающее его систематическое уничтожение: «По мнению Стиглера, часто звучащий лозунг о том, что наши современные общества – это “общества знания”, является откровенной ложью» [2. Р. 33]. Следуя мысли Стиглера, можно скорее констатировать, что работники в постиндустриальном обществе становятся зависимыми от технологий и систем, которые они используют, что, в свою очередь, приводит к потере автономии и утрате знания.

В данной статье мы рассмотрим основные идеи французского философа Бернара Стиглера (1952–2020), касающиеся изначальной технологичности памяти и знаний. Затем мы совершим попытку анализа их трансформации, связанную с развитием современных цифровых технологий, и попытаемся выявить место искусственного интеллекта (ИИ) в этом движении.

Эпифилогенез и третичная ретенция

В своей первой крупной работе «Техника и время: ошибка Эпиметея» (1994), расширенной впоследствии до трёхтомника, Стиглер исследует взаимоотношения между человеком и техникой. Одна из основных идей книги состоит в том, что технологическое развитие является не просто результатом человеческого прогресса, но его фундирующим основанием, приводящим в движение саму человеческую эволюцию. Стиглер показывает, как наши инструменты, техника и системы знаний влияют на наши общественные структуры, культурные практики и даже на наше понимание времени.

Философское осмысление техники начинается ещё в Античности и тематизируется как навык или ремесло, связанное со знанием. И если для Платона и Ксенофонта различие между эпистемой (теоретическим знанием) и технэ не было явно выраженным, то начиная с Аристотеля их разделение приобретает более строгий характер [3], сохраняясь в качестве базового решения для последующей философии. Теорети-

ческое знание схватывает истину о мире, тогда как техника является лишь средством для достижения утилитарных целей. Подобное разделение также характерно для живого и материи, или органического и неорганического. Бернар Стиглер, опираясь на философские достижения последнего столетия, переосмысливает описанные выше классические противопоставления, связывая их как нечто изначальное сопряжённое. Он утверждает, что технэ – это не просто вспомогательный или побочный аспект, а неотъемлемая часть человеческого познания. Органическое и материальное же связывается как организованная неорганическая материя, изначальное объединение человека и техники.

Это сопряжение или коимпликация называется Стиглером эпифилогинезом (филогенез – эволюционное развитие животных, «эпи» = после. Следовательно, эпифилогенез «следует» после филогенеза), выраженным в качестве третьей памяти. А чем же тогда являются первые два вида памяти, в чём их отличие от третьего? Обратимся к самому Стиглеру: «<...> индивид развивается из трех воспоминаний: генетической памяти, памяти центральной нервной системы (эпигенетической) и техно-логической памяти (язык и техника здесь сливаются в процессе экстерниоризации). <...> Таким образом, следует выделить три типа памяти <...>. Эти три типа – генетическая память, эпигенетическая память и эпифилогенетическая память» [4. Р. 176–177].

Если, таким образом, первые два вида должны быть понятны любому человеку, сталкивавшемуся с личными воспоминаниями и знающему азы биологии, то третий вид нуждается в прояснении: «Эпифилогенез обозначает возникновение нового отношения между организмом и средой, которое также является новым состоянием материи. Если индивид – органически организованная материя, то его отношение к среде (к материи вообще, органической или неорганической), когда речь идет о “кто”, опосредовано организованной, но неорганической материей *органо*на, инструментом с его обучающей ролью, тем, “что”. В этом смысле “что” изобретает “кто” в той же мере, в какой оно изобретается им» [4. Р. 177].

Самым важным для Стиглера примером эпифилогенеза является письмо. Посредством письма человек экстернализирует свою память в технические объекты, которые становятся частью среды, формирующей его же и других людей. Если до появления письма знания и воспоминания передавались в основном устно и хранились в биологической памяти, которая подвержена ограничениям индивидуального человеческого познания, то с появлением письменности знания и воспоминания можно было записывать, сохранять и передавать из поколения в поколение с большей точностью и стабильностью. Так, человек, обученный грамоте, уже в процессе обучения будет сталкиваться с письмом, взаимодействовать со знаниями и воспоминаниями, хранящимися в письменных текстах, усваивать их. Это взаимодействие с внешней памятью формирует его когнитивное развитие, понимание мира, а также его собственную память и идентичность. Другим примером,

заимствованным Стиглером из работ археолога и антрополога Леруа-Гурана, является коимпликация каменных орудий и древнего человека. Когда древний человек использовал каменные орудия, то он не просто изготавливал и применял их, но закладывал в эти артефакты, технические объекты, свои знания, свою память. Процесс выбора подходящих камней, придание им формы с помощью таких техник, как обтесывание, передавался в том числе через сам технический объект и взаимодействие с ним. Более того, археология знает примеры людских захоронений с каменными орудиями, но с крайне неразвитым в сравнении с современным человеком мозгом [4. Р. 145].

Таким образом, человек изначально протезирован техникой, т.е. не просто окружен изобретенными им технологиями, но существует среди них как предзаданных, определяющих его отношение к миру [5]. Соответственно, третья память человека является коимплицированным с внешним техническим протезом, накапливающим и распространяющим опыт человечества, который, как и человек, находится в постоянном развитии. В философском отношении эта коимпликация представлена как изначально апоретичная, ни человек, ни материя (техника) не могут считаться порождением друг друга. Напротив, они взаимно организуют друг друга. Это означает, что происхождение человечества и происхождение техники взаимосвязаны и не могут быть сведены к простой причинно-следственной связи [6].

В следующих томах «Техники и времени» и других работах Стиглер развивает понятие третьей памяти в темпоральном измерении, обращаясь к феноменологии времени Эдмунда Гуссерля, он переосмысляет его положения и добавляет к ним своё понятие третичной ретенции. Если первичная ретенция позволяет удерживать непрерывность потока опыта, например, удерживая только что прошедшие ноты мелодии при восприятии следующих в настоящем, то вторичная ретенция является воспоминанием опыта (вспомнили ту мелодию), который уже не относится к настоящему. Таким образом, третичной ретенцией будет воспоминанием воспоминания [5. С. 94]. Если продолжать пример с мелодией, то третичная ретенция может реактивировать воспоминание мелодии, если мы, например, посмотрим на нотную запись той самой мелодии. Третичная ретенция не просто не является оттиском непосредственного опыта слушания мелодии, но неожиданным образом определяет его наличие. Чтобы прояснить это, Стиглер использует понятие грамматизации, которое означает процесс дискретизации и опространствливания неразличимого, которое теперь становится понятным, доступным для анализа [7]. Само гуссерлевское различие первичной и вторичной ретенции опирается на письмо, ограничивающее их конституирование в живом опыте. Чтобы окончательно прояснить эту мысль, снова обратимся к примеру с мелодией, на этот раз используемой самим Стиглером в третьем томе «Техники и времени». Итак, первичные ретенции с точки зрения теории Гуссерля не могут быть опосредованы каким-либо сознательным отбором, так как являются «просто» восприятием: «Однако достаточно прослушать мелодию дважды, чтобы утверждать, что в эти

два раза сознание слушало ее не одними и теми же ушами: между первым и вторым прослушиванием что-то произошло. Это происходит потому, что каждое из них дает новый феномен, более богатый, если музыка хорошая, менее богатый, если плохая <...> Это различие, очевидно, является результатом изменения феномена ретенции – т.е. изменения отбора: сознание удерживает не все» [8. Р. 17]. Этот опыт двухразового восприятия одной и той же мелодии иллюстрирует, что первичная ретенция опосредована третичной. Сама возможность повторного прослушивания одной и той же мелодии возможна только благодаря техническому объекту (например, аналоговой или цифровой записи), таким образом, третичные ретенции и являются третьей памятью, представленной через пространственные, материальные носители. Этим Стиглер полностью переворачивает теорию ретенций Гуссерля; фонографическая запись позволяет как воспринимать мелодии, так и модифицировать это восприятие при повторном прослушивании.

В третьем томе «Техники и времени» Стиглер концентрируется на исследовании кино как фото-фонографического объекта, и, хотя в рамках данной статьи мы не имеем возможности рассмотреть это подробнее, важно указать, что кино имеет ещё более сильное воздействие на человеческое сознание (в сравнении с музыкой), например, может подтолкнуть весь мир к принятию американского образа жизни [9. Р. 61].

Процесс трансиндивидуации

Ранее мы уже пришли к тому, что отношения технических протезов с человеком не могут быть истолкованы как причинно-следственные, в этом Стиглер следует за Жильбером Симондоном, значительно расширяя его идеи (в данном случае речь идёт о заимствовании понятия «трансдукция». Подробнее об этом понятии см.: [10]). Помимо этого, Стиглер обращается и к другим концептам философии Симондона, а именно индивидуации и трансиндивидуации. Индивидуация по Симондону является фундаментальным процессом становления сущего, динамичным и непрерывным процессом самоконституирования и дифференциации, выделившим индивида из доиндивидуального природного сущего [11]. Непрерывность индивидуации после выделения из доиндивидуального вплетает индивида в трансиндивидуальные отношения, где пересекаются индивид и его среда, например общество. Стиглер, понимая трансиндивидуацию как темпоральный процесс между прошлым и будущим, добавляет к нему память и историю. Этим он ставит под сомнение мысль Симондона о переходе от доиндивидуального к трансиндивидуальному как выходу индивида из природного к духу, основой индивидуации, таким образом, оказывается техническая среда, весь комплекс третьей памяти человечества.

В конце концов Стиглер отождествляет трансиндивидуальность с третичными ретенциями. Ранее мы проанализировали как третичные ретенции сказываются на первичных, это же происходит и с вторичными, или памятью. Восприятия чего-то определяется

в том числе тем, что запомнено. На этот раз на это можно указать через понятия протенции, так же, как и ретенция относящегося к первичному восприятию, но обращённому в будущее, которое, таким образом, структурирует опыт восприятия за счёт предвосхищения. Профессиональный повар, увидев морковь, подумает о её кулинарных свойствах, а увлечённый садоводством – о посадке и сборе урожая моркови. Память, хоть и является сингулярной, что видно даже из данного примера, но определяется памятью коллективной, третичными ретенциями. Таким образом, трансиндивидуация – это процесс коимплицированного взаимоконституирования технической среды и общества, формирующего человеческую культуру и технологии [12. Р. 172] (этим Стиглер дополняет понятие эпифилогенеза).

В истории грамматизации, т.е. истории третичных ретенций, может быть выделено множество этапов (скорее даже модификаций) в зависимости от того, что именно за технические объекты используются для записи. Мы вернемся к этому чуть подробнее далее, сейчас же обратимся за иллюстрацией трансиндивидуации, произошедшей в прошлом. Исследователь идей Бернара Стиглера Джейсон Рид, рассматривая влияние грамматизации на культуру, отмечает следующее: «...грамматизация несколько анахронично делает возможной фигуру гражданина. Гражданин – это фигура трансиндивидуальной индивидуации, но такая, которая обязательно проходит через экстернизацию и интериоризацию законов, текстов. <...> Чтение и написание закона открывает отношения не только между индивидом и коллективом, “я” и “мы”, находящимися в напряжении между общим предписанием и единичной интерпретацией, но и между прошлым и будущим» [12. Р. 174–175].

Третичные ретенции, участвуя в процессе трансиндивидуации постоянно модифицируют игру между первичными и вторичными ретенциями и протенциями, что порождает всё новые и новые схемы трансиндивидуации. Делая такой акцент на технических объектах, Стиглер хочет показать их роль для трансиндивидуального как такового. Например, цифровизация, позволяющая передавать информацию со скоростью света, крайне отлична от литеральной технологии, где существует существенная задержка между передачей. Многие события сейчас доступны в режиме реального времени, тогда как ранее между событием и тем, как его осветят в печати, могло пройти много времени: «...аналоговые и цифровые технологии открывают совершенно новый опыт времени по отношению к письму. Это открытие – отход от исторического времени, воспринимаемого в качестве опирающегося на сущностно отсроченное время» [13]. Стиглер, следуя за Деррида, осмысливает подобные качественные изменения в изменении третичных ретенций как фармакон (выступающий в зависимости от ситуации в качестве либо яда, либо лекарства), который может как нести угрозу для трансиндивидуации, так и создавать для неё новые горизонты [14]. Какие угрозы и возможности несёт цифровизация для трансиндивидуации?

Пролетаризация знания: угрозы цифровой эпохи

В работе «Упадок индустриальных демократий» (2004) Стиглер обращается к понятию пролетаризации, снова заимствованному у Симондона. Пролетаризация в общем смысле представляет из себя «потерю индивидуации, когда рабочий, который когда-то был техническим индивидом, становится слугой станка, который становится новым техническим индивидом» [15. Р. 62]. Стиглер выделяет три основных эпохи, где технические объекты вызывают процесс пролетаризации в процессе трансиндивидуации: 1) промышленную революцию, где утрачиваются практические знания или навыки (*savoir-faire*); 2) индустриальную эпоху (в основном имеется в виду XX в.), где утрату претерпевает знание о том, как жить (*savoir-vivre*); 3) гипериндустриальную эпоху (современность), где процесс пролетаризации знания доходит и до знания теоретического (*saviors théoriques*). Если промышленная революция XIX в. пролетаризировала рабочих, передав их знания машинам, редуцировав их тем самым до простой рабочей силы, то индустриализация XX в. пролетаризировала людей до потребителей, лишив их собственного образа жизни, заменив его на заранее сформированные индустрией культуры «стили жизни». В гипериндустриальном обществе знание передается автоматическим алгоритмам, аналитические способности которых начинают походить на человеческие. В социальных сетях с помощью больших данных и связанных с ними алгоритмов происходит постоянная стимуляция производства персональных данных (оставляемых людьми в сети третичных ретенций), которые затем не трансиндивидуально, но автоматически используются алгоритмами, которые на выходе создают такие ответы, которые вмешиваются в коллективные ретенции и протенции пользователей. Такая тотальная интеграция автоматизмов дезинтегрирует привычные формы трансиндивидуации: «...поистине беспрецедентный аспект цифровой унификации заключается в том, что она позволяет установить связи между всеми этими автоматизмами: технологическими, социальными, психическими и биологическими – и в этом заключается суть нейромаркетинга и нейроэкономики <...> дезинтегрированными оказываются <...> государственная власть, социальные и образовательные системы, отношения между поколениями и психические структуры» [14. Р. 200].

Эта ситуация автоматического общества является одурманивающей, продуцирующей системную глупость. Как отмечает Дмитрий Кралечкин, эта глупость деклассирована и «выступает модусом действия всей современной экономики знания, начиная с экспертиз и заканчивая университетом» [16. С. 182]. В одном из своих последних интервью 2019 г. «Искусственный интеллект – это искусственная глупость», данному отечественному изданию, Стиглер приводит знакомый ему случай применения ИИ: «Возьмем пример с интерпретацией медицинских диагнозов. Один мой друг из Калифорнии разработал стартап для кардиологов. Это система медицинских данных, которая производит очень много информации, но никогда не дает ре-

комендаций. Вместо этого она задает вопросы. Потом врачи в социальных сетях работают вместе, чтобы решить возникшие проблемы путем делиберации. Используя эти алгоритмы, они не полностью оглушаются. А в медицине это очень важно. Вы, наверное, знаете про теорию черного лебедя: если для решения проблем использовать только усредненные данные, то однажды вы столкнетесь с черным лебедем, хотя видели до этого только белых, как это когда-то случилось в Австралии. <...> Когда вы используете данные, вы работаете только с так называемыми онтологиями, усиливающими текущее состояние знания. Но одного знания недостаточно. Если вы применяете его автоматически, это всегда своего рода глупость. Именно это и происходит сегодня, и поэтому я думаю, что нам надо поменять организацию искусственного интеллекта» [17].

Данный случай иллюстрирует скорее положительное применение ИИ, хотя тут же указываются возможные опасности, грозящие его бездумному использованию. В этом и заключается фармакологический подход Стиглера. Как письменность однажды стала и ядом, и лекарством, так и современные цифровые технологии, помимо оглушающего воздействия, имеют возможности для разворачивания новых путей трансиндивидуации, а для этого необходим терапевтический подход. Ввиду этого Стиглер призывает к формированию политики памяти, которая не является волюнтаристской политикой замедления, но способом понимания эпи-

филогенетического измерения человеческого, что является основанием для сдерживания ядовитости техники.

И хотя Стиглер не застал бум современного генеративного ИИ, можно предположить, что он мог бы быть осмыслен как моделирующий восприятие и память, т.е. является технологией, которая участвует в определенного рода восприятии с помощью сбора данных разнообразными датчиками, хранит в памяти базы данных, и генеративно создает третичные ретенции. Это стоит воспринимать с определенными оговорками, так как ИИ не создает смыслов по своему усмотрению, действуя автоматически. Политика памяти в отношении данной технологии должна быть такой, которая позволяет человеку не терять свои эстетические и продуктивные способности, т.е. не ограничивать процесс трансиндивидуации его заменой на автоматические алгоритмы: «Вопрос о таком искусстве – это вопрос о *терапевтическом* искусстве, для которого искусство было бы первичным, явно иницирующим элементом, но по своей сути недостаточным, и где оно должно было бы изобретать *наряду со всеми другими формами знания*, включая те технологические формы знания, которые делают возможным теоретическое знание, формируя, проектируя и изобретая, таким образом, *Ars позитивной фармакологии*» [14. P.201]. Найдет ли человек такое искусство, которое позволит развивать его воображение в новых направлениях с учетом повсеместного вмешательства автоматизированных цифровых технологий, покажет будущее.

Список источников

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 783 с.
2. Lemmens P. 'This System Does not Produce Pleasure Anymore'. An Interview with Bernard Stiegler // *Krisis. Journal for contemporary philosophy*. 2011. Vol. 31, № 1. P. 33–41.
3. Санженак А.А. Истоки аналитического подхода к проблемам техники: Аристотель об эпистеме и техне // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 53. С. 128–132. doi: 10.17223/1998863X/53/13
4. Stiegler B. *Technics and Time 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press, 1998. 298 p.
5. Подорога Б.В. Логос и протез: теория третьей памяти Бернарда Стиглера // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 6. С. 90–99.
6. Beardsworth R. From a Genealogy of Matter to a Politics of Memory: Stiegler's Thinking of Technics // *Technics and Finitude. Special issue of Tekhnema*. 1995. No. 2. URL: <http://tekhnama.free.fr/2Beardsworth.htm> (дата обращения: 15.11.2024).
7. Стиглер Б. Дух просвещения в эпоху философской инженерии // *Художественный журнал*. 2018. № 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (дата обращения: 10.11.2024).
8. Stiegler B. *Technics and Time 3: Cinematic Time and the Question of Malaise*. Stanford: Stanford University Press, 2010. 276 p.
9. Roberts B. Cinema as mnemotechnics: Bernard Stiegler and the industrialisation of memory // *Angelaki*. 2006. № 11(1). P. 55–63.
10. Свирский Я.И. Трансдукция как способ междисциплинарной конвергенции // *Идеи и идеалы*. 2019. Т. 11, № 2, ч. 1. С. 63–78.
11. Свирский Я.И. Индивидуация Ж. Симондона как проект принципиальной незавершенности индивида // *Человек как открытая целостность*. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 295–306.
12. Read J. *The Politics of Transindividuality*. Brill, Leiden/Boston, 2016. 309 p.
13. Стиглер Б. Время чтения и новые инструменты памяти // *Сигма*. URL: <https://syg.ma/@tresk/biennar-stighlier-vriemia-htienii-i-novyie-instrumenty-pamiati> (дата обращения: 18.11.2024).
14. Stiegler B. Automatic society, Londres février 2015 // *Journal of Visual Art Practice*. 2016. Vol. 15, № 2-3. P. 192–203.
15. Stiegler B. *The Decadence of Industrial Democracies: Disbelief and Discredit*. Vol. 1. Cambridge: Polity Press, 2011. 200 p.
16. Кралечкин Д. Разум и глупость в цифровую эпоху // *Логос*. 2013. № 3 (93). С. 178–187.
17. Стиглер Б. Искусственный интеллект – это искусственная глупость // *Colta.ru*. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21731-bernard-stiegler-iskusstvennyy-intellekt-eto-iskusstvennaya-glupost> (дата обращения: 25.11.2024).

References

1. Bell, D. (1999) *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Translated from English pod red. V.L. Inozemtseva. Moscow: Academia.
2. Lemmens, P. (2011) 'This System Does not Produce Pleasure Anymore'. An Interview with Bernard Stiegler. *Krisis. Journal for Contemporary Philosophy*. 31 (1), pp. 33–41.
3. Sanzhenakov, A.A. (2020) The origins of an analytical approach to the problems of technology: Aristotle on episteme and techné]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 53. pp. 128–132. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/53/13

4. Stiegler, B. (1998) *Technics and Time 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press.
5. Podoroga, B.V. (2020) Logos i protez: teoriya tretei pamyati Bernarda Stiglera [Logos and prosthesis: Bernard Stiegler's theory of the third memory]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. 6. pp. 90–99.
6. Beardsworth, R. (1995) From a Genealogy of Matter to a Politics of Memory: Stiegler's Thinking of Technics. *Technics and Finitude. Special issue of Tekhnema*. 2. [Online] Available from: <http://tekhnama.free.fr/2Beardsworth.htm> (Accessed: 15.11.2024).
7. Stigler, B. (2018) Dukh prosveshcheniya v epokhu filosofskoy inzhenerii [The spirit of enlightenment in the era of philosophical engineering]. *Khudozhestvennyy zhurnal*. 106. [Online] Available from: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (Accessed: 10.11.2024).
8. Stiegler, B. (2010) *Technics and Time 3: Cinematic Time and the Question of Malaise*. Stanford: Stanford University Press.
9. Roberts, B. (2006) Cinema as mnemotechnics: Bernard Stiegler and the industrialisation of memory. *Angelaki*. 11 (1). pp. 55–63.
10. Svirskiy, Ya.I. (2019) Transduksiya kak sposob mezhdistsiplinarnoy konvergentsii [Transduction as a way of interdisciplinary convergence]. *Idei i idealy*. 11 (2 (1)). pp. 63–78.
11. Svirskiy, Ya.I. (2022) Individuatsiya Zh. Simondona kak printsipialnaya nezavershennost individa [G. Simondon's individuation as a project of the fundamental incompleteness of the individual]. In: *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as an Open Integrity]. Novosibirsk: Akademizdat. pp. 295–306.
12. Read, J. (2016) *The Politics of Transindividuality*. Leiden; Boston: Brill.
13. Stiegler, B. (2024) *Vremya chteniya i novye instrumenty pamyati* [Reading time and new tools of memory]. Translated from English. [Online] Available from: <https://syg.ma/@tresk/biarnar-stighlier-vriemia-htienii-i-novyie-instrumenty-pamiati> (Accessed: 18.11.2024).
14. Stiegler, B. (2016) Automatic society, Londres février 2015. *Journal of Visual Art Practice*. 15 (2-3). pp. 192–203.
15. Stiegler, B. (2011) *The Decadence of Industrial Democracies: Disbelief and Discredit*. Vol. 1. Cambridge: Polity Press.
16. Kralechkin, D. (2013) Razum i glupost' v tsifrovuyu epokhu [Reason and stupidity in the digital age]. *Logos*. 3 (93). pp. 178–187.
17. Stiegler, B. (2024) *Iskusstvennyy intellekt – eto iskusstvennaya glupost'* [Artificial intelligence is artificial stupidity]. Translated from English. [Online] Available from: <https://www.colta.ru/articles/society/21731-bernar-stigler-iskusstvennyy-intellekt-eto-iskusstvennaya-glupost> (Accessed: 25.11.2024).

Информация об авторе:

Московец С.А. — ассистент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: moskovets.tsu@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Moskovets, teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: moskovets.tsu@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024;
одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 25.12.2024;
approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 31.03.2025.